

смеяться и часто пожимать плечами, предсказывая мне, что еще немножко, и я вывихну себе челюсть. Чтобы скрасить серьезность и трудность этого произведения, после полудня я читала поэму Хераскова «Бахариана»^{IX}, сюжет которой был взят из различных русских сказок, настоящая смесь Бог знает чего! Бесчисленное множество привидений, превращений, несколько очень хороших, по мнению дяди, описаний не переставали его развлекать разнообразием. Поскольку мы читали только одну песнь каждый день после обеда, он не слишком уставал. *«Экой бред! — говорил дядя, — однако забавно, стихи гладки, описания природы хороши, и к тому же так хитра завязка, что хочется все конца дознаться»*. И потом происходили такие забавные вещи, что он смеялся от всего сердца; тетя тоже обратила внимание на наше чтение, и добрый мой дядюшка, поворачиваясь то к ней, то ко мне, улыбался нам обеим. Мне кажется, что я и сейчас еще вижу его ангельское лицо, когда он сидел среди нас на красном диване, всегда с Тайкой за пазухой, то слушая мое чтение, то раскладывая большой пасьянс. Я представляю, как он шагает по комнатам или объясняет нам различные места священного писания, упоминая самых замечательных толкователей его. Тогда глаза его сияли ярким блеском, чувства придавали ему силы; часто это оживляло его, он становился красноречивым, убедительным, в глазах блестели слезы и вся его душа в них отражалась. Три темы только могли произвести этот эффект в нем: когда речь шла о Боге, об истине и о поэзии. Любил он также говорить о царствовании Екатерины II. Это была пора его молодости, когда его одаренное воображение всей силой своей заполняло жизнь соблазнительными иллюзиями. Он говорил мне о славе России во время ее царствования, о великих людях, прославивших ее, о своих первых лирических опытах, которые без его ведома были представлены Императрице и вызвали у нее желание его увидеть. Ее прием, который был ему оказан, этот взгляд, которым она окинула его с головы до ног, чтобы рассмотреть того, кто, как она выразилась, «так хорошо ее знал». *«Я вовек этого взгляда не забуду, — говорил добрый дядя, — Я был молод, ее вход, величие окружающее, этот важный царский взгляд — все меня так поразило, что она мне казалась существом сверхъестественным, но теперь, как все это поразмыслю, то должен сознаться, что была она большая комедиантка и знала, как людям пыль в глаза пускать»*.

Желая продолжить объяснения, которые он сделал на четыре первых тома, он заставил меня читать пятый, только что отпечатанный. После того как мы этим некоторое время занимались, он сказал мне: *«Эта часть как-то скукой пахнет и напоминает то время, в котором она писана была, или просто сказать, оттого, что*